

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 143–149. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 143–149. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 811.161.1'28

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-143-149>

ОПИСАНИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ЖИЛИЩА В БОРБУШИНСКОМ ГОВОРЕ

Ильина Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор, Вологодский государственный университет, Вологда, Россия, filfak@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1797-8959>

Аннотация. Статья посвящена описанию крестьянского жилища как основы материальной культуры в картине мира жителей Белозерья. Материалом для исследования служат записи речи жителей д. Борбушино Кирилловского района Вологодской области, полученные автором данной статьи в процессе бесед по программе «Лексического атласа русских народных говоров» в диалектологических экспедициях 1988–2021 годов. Предметом анализа данной работы являются общие названия пространства, на котором располагались хозяйственные постройки и посевы одной крестьянской семьи, жилищная постройка и её части, приспособления и мебель, печное отопление, хозяйственные постройки, культовые сооружения в самом населённом пункте и в его окрестностях, scrupulously точно и вместе с тем с элементами самоанализа поданные в рассказах местных жителей, что также может дать представление и об особенностях духовного мира, о понятиях «свой» и «чужой» крестьянства Русского Севера. Сведения о лексике крестьянского жилища, полученные в ходе бесед с жителями изучаемой местности, систематизируются на основе изучения подобной темы в современной региональной лингвистике сводной системы русских диалектов, а также говоров отдельных территорий. Делается вывод о том, что изменение характера трудовой деятельности жителей деревни неизбежно повлекло за собой реструктурирование пространства как деревни в целом, так и отдельной крестьянской усадьбы.

Ключевые слова: русская диалектология, севернорусские говоры, диалектная языковая картина мира.

Для цитирования: Ильина Е.Н. Описание крестьянского жилища в борбушинском говоре // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 143–149. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-143-149>

Research Article

DESCRIPTION OF A PEASANT ABODE IN THE PATOIS OF THE HAMLET OF BORBUSHINO

Elena N. Ilyina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Vologda State University, Vologda, Russia, filfak@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1797-8959>

Abstract. The article focuses on the description of the rustic dwelling as the basis of material culture in the world view of the inhabitants of Lake Beloye (White Lake) surroundings. Recordings of speech of residents of the hamlet of Borbushino of Kirillov district of Vologda Region serves as research material. Those were obtained by this paper's author in the course of conversations on the programme «Lexical Atlas of the Russian Folkish Patois» in the dialectological expeditions of 1988–2021. The subject of the analysis of this paper includes the common names of the space where household outbuildings and crops of one peasant family were located; as well as the living quarters and their parts, fixtures and fittings, stove heating, household outbuildings, religious buildings in the settlement itself and in its surroundings; all mentioned in folkish stories scrupulously precise and yet with elements of self-analysis; that can also give an idea of the features of spiritual world, identification «friend or foe» of the north Russian peasants. Information on the peasant dwelling vocabulary obtained through conversations with the inhabitants of the study area, is systematised on the basis of a similar theme in modern regional linguistics of the consolidated system of Russian dialects, as well as patois of separate territories. The conclusion was made that the change of the character of the villagers' labour activity had inevitably entailed the restructuring of the space of both rural Russia as a whole and an individual peasant homestead.

Keywords: Russian dialectology, Northern Russian patois, dialectal linguistic worldview.

For citation: Ilyina E.N. Description of a peasant dwelling in the Borbushin dialect. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 143–149 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-143-149>

«Свой» мир, обжитое пространство диалектоносителя, давно и весьма активно изучается в современной региональной лингвистике на материале сводной системы русских диалектов [Гольдин 1967; Волкова, Орлова 1998; Забродкина 2008; др.], а также говоров отдельных территорий [Андреев 2000; Брысина 2006; Житникова 2006; Баженова 2008; Невский 2008; Журавская 2009; Недоступова 2015; Андреева 2020; др.]. В данной статье мы систематизируем сведения, полученные о крестьянском жилище в беседах с жителями одного из типичных сельских поселений Русского Севера – деревни Борбушино Кирилловского района Вологодской области. Логика описания лексикой крестьянского жилища обусловлена структурой соответствующего раздела программы «Лексическое атласа русских народных говоров».

Общие названия. Пространство, на котором располагались хозяйственные постройки и посеы одной крестьянской семьи, именуется в говоре словами *земля* (*Ёйну зёмлю не бо́льно разбежа́лисё поку́пать – худая у иё земля, не на хорóшом мистё*), *надёл* (*И́хний надёл не́кому обраба́тывать, дак вон Ю́рка кро́ликам ко́сит*) и *уса́дьба* (*Своёй уса́дьбы давно́ уж не́ту, у до́чери живе́т*). Последнее из этих слов называет также земельный надел, используемый для выращивания овощей и злаков (*У Тамáрки возле до́ма не бо́льно ме́ста-то, ёйна́я уса́дьба вон за ручьём*). Ряды домов, расположенные вдоль улицы, называются словами *ряд* (*По ря́ду-то ихнему то́лько вон Ка́тин дом да Льво́внина изба́ розва́лена оста́лась*) и *поря́док* (*По́ все́му поря́дку пройду́ – у Гри́бовых, по́й, са́мый но́вый пятисте́нок*). Открытое пространство непосредственно перед домом информанты называют словами *проу́лок* (*В девяно́стыё́ и́сти сажа́ли вездé, вон Ко́ля мне да́же проу́лок распахáл*) и *зау́лок* (*Смотрю́ – таи́цит с до́роги жерди́ну-то в свой зау́лок. Ай, ты, – говорю́, – блу́дня, шесто́й ты па́лещ!*). Основными названиями жилых построек служат слова *дом* (*Дом свой Мари́нка сколь лет не мо́гут прода́ть*) и *изба́* (*В избу́-то иди́тё, де́вки, тут и кома́ров не́ту, и посиди́м*). Территория деревни была обнесена забором из жердей (*В дере́вню про́сто так не зайдёшь, огора́живались. Жерди́ны в пря́сла со́браны*). В этой изгороди имелись разборные звенья, *заво́ры* (*Заво́рину отвира́ли, как прое́хать-то на́до*), а также ставился *отвод*, представлявший собой некое подобие ворот (*Отвод, кали́тка така́я больша́я, у на́шего до́ма был отвод. Ёдет кто, дак ходи́ли открыва́ть*). Был обнесён изгородью и *выгон* – участок луга и леса, на котором пасся деревенский скот (*В выгона́х коро́ушек пасли́, это топе́рь не́тутко ни одной, а ра́ньше с ка́жного до́му, да не по одной коро́ушке пасло́сё*).

Жилая постройка и её части. Всё жилое пространство крестьянского дома делилось на летнюю

избу – *пятисте́нок* (*Ёйный пятисте́нок изгнил, вон уж из-за кра́пивы не вида́ть*), *летник* (*В ле́тниках дак ле́том жи́ли, это вот приде́лыши-то всякие, бокову́ши*) – и зимнюю избу, *зимовку* (*Где у Га́ли кры́жовник поса́жен, дак зимовка на́ша была́, давно́ уж Ко́ля слома́л*). Внутреннюю форму слова *пятисте́нок* информанты объясняют наличием внутри строения, кроме внешних капитальных бревенчатых стен, пятой, разделяющей жилое помещение и хозяйственное, *двор* (*Пятисте́нок – вот сруб, смотри́, четы́ре стены́, да пя́тая, на мосту́*). Перегородки внутри жилой части избы называются словом *забо́рка* (*Забо́рки поста́влены: вот умыва́льник в углу́, дак забо́рка поста́влена, да ишио́ забо́рки та́мо, в горéнку иди́шь, а там ишио́ забо́рка, ишио́ ко́мнатка*). На территории деревни сохранились исключительно одноэтажные односрубные постройки с подвальным помещением, покрытые двухскатной крышей и отапливаемые русской печью, имеющей дымоход. Из временных построек информанты вспоминают *шалаиш* (*Сала́ш ёйный всё ле́то стоёл*), *землянку* (*Привезли́ на́ших окула́ченных – ниче́го-то не́ту, дак в земля́нках и жи́ли*) и *лабаз* (*Лабазá охóтники де́лают, на дере́ве, чтоб зве́рь не чул*). Входные двери во время долгого отсутствия хозяев запирались навесными замками, внутренние двери закрывались с помощью деревянных приспособлений (*запи́рки, вы́шки, кля́пыши*). Достаточно часто знаком отсутствия хозяев в доме становилась поставленная по диагонали в дверном проёме небольшая палочка или две, перекрещивающие пространство входа: *Закре́щюно́, дак не ходя́т, бато́г поста́вили, закрести́ли, и в огоро́д*.

Внутренние помещения дома делятся на жилую часть, *перёд* (*Перёд у нас выхо́дил к отводу́, тут край дере́вни был, а да́льше по́ле*) и хозяйственную часть, *зад* или *двор* (*Спéреди-то перёд, потом мост, как захо́дишь-то, а да́льше зад, да́льше дво́ры*). Внутри *жилого* помещения выделяются *кухня* (*Га́ля у меня́ тут всё наруши́ла, ку́хня ту́та была́, а они́, как до́м-то подруба́ли, перело́жили пе́чку устьём-то тудá. «Не хочу́, – говори́т, – в твоёй-то ку́хне живо́пырке, тесни́ться!»*), *горница* с передним углом, в котором вешались иконы, фотографии и пр. (*Иди́-ко, де́вка, в го́рницу-то, посиди́м-ко по-чере́дному!*), *комната* в средней части дома, расположенная за некапитальной стеной, *середня́* (*Где спят за забо́ркой, середня́-то*). Отдельными словами именуется *коридор*, пространство между жилой и хозяйственной частью (*Ёйна ко́шка-то, блу́дня, с крыле́чка да на мост, да и, смотри́, в го́рницу ко мне ла́дит, сотона́!*), *крыльцо* (*Клю́ч-то и улетéл под крыле́цо, дак ё́ле Колю́шка наи́ёл*), *веранда* (*У меня́ крыле́чко, а у Дми́тровны вон це́лая веранда, они́ тро́ё в ёй сидя́т – не те́сно!*), *чердачное* помещение, *вы́шка* (*На вы́шку-то слазь, че́о там с трубо́й-то?*), а также *мезонин*, жилое поме-

щение в чердачной части дома (*Мизонин – комната на вышке есть, живут там*). В хозяйственной части дома также именуются отдельные помещения – вверху расположены *клити*, предназначенные для размещения продуктов и вещей (*Клить запирается, тут вон еда, а тамотко тряпки разные ложу*) и сеновал (*Колья на сеновале качулю приделал, верёвку перекинул, а сиденье пластмассовое*) и др.; в нижней части – помещения для крупного и мелкого скота и птицы (*Вот тутта во двор лестница была, заделали, как дворы-те отломали. Корбушка стоела, а там вон стайка, там овцы, телёночек стоёл*).

Приспособления и мебель. Среди различного рода приспособлений и предметов мебели информанты называют *полати* (*Чёб и не диялосё на полатях-то! И спали, и лук сушили, и труньё вон у меня топёрь всякоё лёжйт*), *лавки* (*Стульё уж после войны купили, а так дак всё лавки*), приспособления для хранения вещей (*Ну, посудник вон, под калабахи, грядка – тряпье виситсё, Колья вон ещё блюдник сдёлал, да полукамод купили, как переехали*), столы (*Столóв у нас четырё: в горнице, в той вон комнате, на кухне, да ишио в клити, небольшенькёй. Да ещё столик экой ставят, угловичок, три уголка, телевизор поставить*), предметы мебели, предназначенные для сна (*Диван вон Вёнюшкин, а у меня кровать за забóрккой*) и для хранения продуктов и вещей (*Сахар в камóде держу. На кухне горка, ишио буфёт говорят, слышала, а у нас горка. Полукамод под труньё да шафанёр*). В нескольких деревенских домах сохранился *гóлбец* – пристройка к печи, внутри которой находился вход в подполье (*Подполье – это подвал, вход в избё, мо́жет на кухне вход быть возле пёчки. У пёчки чтобы не делат ступёньки, гóбец был, вход в подполье у пёчки, с гóбца на пёчку*).

Печное отопление. Помещения крестьянского дома отапливались печами – основной, русской (*Русская пёчка, большая, как без неё?*), и дополнительно пристраиваемых к ней печей меньшего размера (*Столбянка – это метр восемьдесят высотой-то будет, она согреет, она и сварит, плита в её врезана. Маленькая пёчка, варить можно чигунки маленькие, всяко можно на столбянке. Столбóм слóжена. Поди да теплушку затопи, да пёчка это маленькая*). Пространство с различных сторон русской печи имело свои названия: *кутний угол* (*В кути, в кутнем углу во́жкаессё с едой-то*), *запечек* (*В запечек дак зимой сапоги ложили сушить*) и др. Особые названия информанты используют также для различных составляющих русской печи – основания (*Пёчка на ём стоит, из кирпича или из дёрева срёзы. Делали деревянные опёчки, а потом ло́жат печь. Пёчка сначала с подполья рубят, вывóдят её с подполья-то, на полу опёчек делают, а на ём и пёчку*), выступов и углублений в на-

ружных стенках печи (*Заха́бчик спёреди делали, где устье, спички класти, углубление это. Делают пёчку, под соиток выкладывают подтопок, угольё спёхи-вают. Печурка – это где носки сушат, сбоку пёчки были. Печурочка, это где спички хранятся, носки сушат, сбоку пёчки были. Брóвка-то идёт по всей пёчке, кирпичи высóвываются в три ряда, один, ещё один, для красоты. Самоварник-то – отверстие в пёчке, куды трубу от самовара-то выводили в общую трубу. Отдушина есть, куда ставят самовар. Отверстие выходит в общую трубу в печи, отдельное отверстие), горизонтальной поверхности сверху печи (*Зимой-то больно хорошо: на лежанку заберёшься, согреешься. Залёзешь на пёчку, сразу на лежанку, а потом уж на самое горячее место*), а также находящихся возле нее деревянных приспособлений (*На прилавках дак мы ещё спали, в две доски шириной. Сбоку, ступёньки у пёчки, широкой такой, на пёчку залезают. Говорят: на гóбец-то забирайся. Чтоб лучше лазать на пёчку, приступочек делали. Сначала на подполье, потом на печурки, а там на пёчку, всё это приступок*). Детализируется также внутреннее устройство печи – система движения воздуха (*Шесток, а вот сверху-то, закрыть-то вот надо, чтобы дым не шёл, это вот кожух и есть. Неправильно будет топить печь, дак вся пёчка испачкается, весь кожух в саже будет. Там весь туда дым идёт, а потом он идёт в трубу, вот это кожух, его веником чистить надо часто. Это когда идёт кверху дым, труба сдёлана, вот этот дымоход и есть, кверху труба. Вьюшку открыть надо, чтобы воздух-то шёл, а то весь дым в избу напускаешь. Труба на вышке выкладена, с этого бóрова труба на крышу и выводит. Бóров – это труба, она идёт в князёк, меньше такую трубу дожжём мочит, по чердаку идёт на князёк. Ставок – да это труба железная на крыше*) и отдельные составляющие печи, актуализирующиеся во время её топки и термической обработки пищи (*Соиток – это вон тут, бабки чигуны ставят ухватами. Этта, перед устьём. Под дак в пёчке большой, на котóром пироги пекут, дрова кладут. Сверху как крыша-то у пёчки. Вот под, а потом там свод, чтоб – огонь там жжёшь – тепло держалось. Поддувало у маленьких пёчек было, чтобы лучше растопилось, это маленькая дырка внизу у пёчки под двёркой. На плите готовят и суп, и всё. На плите дак две конфórки, дак вот на конфórках-то по три кружка на каждой. У нас три кружка: то большой, то маленькие, разные. Чигунки ставили на них на пёчку. У пёчки двёрка, ручка, чтоб открыть пёчку, закрыть пёчку. Устье закрывали, из железа делали заслонки-то. В пёчке загребём угольё в один угол. Ой, угарную загнёту, сколько оставили, угореть можно!). Печь, являясь, по мнению Г.В. Киселевой, элементом не только материальной, но и духов-**

ной культуры [Киселева 1998], фигурирует в многочисленных устных рассказах информантов: она, как мать, и накормит, и обогреет, и не даст пропасть семье в лихое время (*Ну-ко, пёчка-матушка, давай-ко разгорайся! Приезжаю из города-то, дак перво-наперво пёчку топлю. Без пёчки дак я тута сгину! Павлушке Николай дом без пёчки сдёлал, вон самой-то послёдней под горкой, железом закрытый. А какой дом без пёчки-то? Приезжает Павлуха, может, раз годок в пять, окупнётся в озере, и поминай как звали! Нету пёчки, дак как дача*). Современные печи, сложенные из красного кирпича, информанты сравнивают с глинобитными печами (*Полубитые печи раньше были из кирпича битого с глиной наделаны*), а также с печами, сложенными из камней (*В бане дак дровами топили, каменку из камня дёлали*).

Хозяйственные постройки. Информанты дифференцируют отдельные помещения для содержания лошадей (*Конюшня всегда отдельно была, с коровам кони не стоели*), пчел (*Ульи Коля Корягин держит и по сю пору, пять, поди, домиков*), собак (*Дамка жила у нас в конуре. А Жучке дак я конуры не дёлал – в дровянике живёт*) и кроликов (*Люба кроликов держит, для их сарай Юрка сдёлал, клеток наставил*). В непосредственной близости от дома располагаются помещения для хранения дров и хозяйственного инвентаря (*У Маринки под домом сарайка. А у нас вон в дровянике все инструменты сложены*), колодцы (*У нас в огороде колодец, у Грибовых колодец с цепью был, а у Кати журавель, на жердину ведро цептели*) и погреба для хранения овощей (*Нинка не стала издить, дак ейный погреб Зина Корягина взяла*). Из коллективных хозяйственных построек жители деревни упоминают помещения для обработки и хранения зерна (*Вот где Павлушкин дом стоит, дак овин был, мы с дедушкой туда ночевать ходили, когда наша очередь выпадала печь топить. По амбарам кукурузу насыпали – а толку-то с неё?*), строения существовавших ранее возле деревни молочной фермы и маслозавода (*Новую-то ферму молдавана стробили, шабашники. Маслобойня была, дедушко Проконий работал на ней*), помещения для хранения сельскохозяйственной техники (*Мастерские были, гараж – всё нарушилось!*).

Баня. В отличие от других построек семейного пользования бани располагались около водоемов (*Наша-то баня не больно на месте, дак у самого-то озера уж не втолчессе, и так вон понаставили*). Информанты положительно оценивают постройку бани по всем правилам плотницкого дела (*Дедко твой Вася бань этих оклал не одну сотню, поди, дело своё знал, дак по сию вон пору стоит банька-то!*), возможность комфортного размещения в ней человека (*У их не баня, а живописька: хоть на карачках мойсе!*), опрятность внутреннего

убранства (*Не баня, а хлев! Тута у их всякого жита по лопате, вот что за хозяйва-ти непутние?*), отсутствие недостатка в наличии дров, воды и банных принадлежностей (*В бане своя полинница сложена, как без дров-то! Воды два котла да в ведрах – куды как добро! Приехала весной, а на полке-то мышьиные говна, и мыло всё сожрали, не одну печатку! Чем хошь теперь, тем и мойсе!*). Как излишества нового времени называются электрическое освещение (*Дмитриевна как баронь моется – лампочка в бане горит, а мы по-старопрежнему, с фонарем, со свечкам*), подача воды с помощью электрического насоса и установка современных стиральных машин: *У нас чео: корыто вон да доска стиральная! А тепере понаставили машин – тут тебе и воду подвели с копанца, и само стирает! Вот чео бабам тепере не жись, а? Нам посчастливилось зафиксировать достаточно подробное описание устройства и функционирования бани по-черному со слов Анны Алексеевны Шабровой (1911 г. р.): «Наша баня, первая, пониже была, тоже чёрная, без трубы топилась. Сгнила, дак дедко Василий приезжал, да Николай Девятилов с ним, да Коля наш – за одно лето баню оклали. Дверь на запирку закрывается. Ключ вон на зелёном тряпочке висит, у умывальника, за заборкой. Предбанник так-то большевский, двое дак раздёнутся, и трое, если не больно толстые. Сбоку вешалка под одежду, с крючками, а дальше дак ложу дрова, и ванна, стирать, лежат. Лавка, тут вон ведра и лейки, за водой ходить. Над предбанником не надо потолка, почто? А над мыльным-то местом потолок. Да над ним всё именье сложено: и чунки, и корыто, смотри, и грабли не одни лежат, всякого места насовано. Мыться, дак двери открывай, там каменка. Специально камни собирали, чтобы синих камней не было, от них угар может быть. Котёл вот тут большой. Его полным наливают, когда топят, да ещё подливают, если вода выкипает, а то разорвёт. И на зиму его с водой не оставляй – тоже разорвать может, а потом где котёл взять, да кто менять будет? На камни поддавали, чтобы жар был. Я-то не больно парюсь, а кто любит, дак напощают – не видать и человек в бане, один пар! На полке, тут, друг друга и хлещут, веников, берёзы наломают, чистушки, да навьют. От дверей вон жердина до окошка невешана, грядка, переодёжу складывать. Тазы вон, на лавку ставь да мойся. Вехотки разные, я дак люблю старые, они больно хорошо трут. Ольга навезла вехоток-то новомодных, а мне дак не больно нравятся. Ковшик вон, вода в баках наношена, в этот котёл дак из большого котла отливаю. Топить, дак открой тута-то вьюшку, окошко в потолок, дым чтобы выходил, да через дверь тоже выходит, не задохнись – топить-то не больно просто!*

Ну, ишио гадáли в бáне, бáбы рáньше в бáне рожáли, грéлись, поди́, когда́ кто заболéет. Идёшь в бáню, дак скажй́: «Бáтюшко-бáвнушко, пусти́ в тѣплую бáнюшку помы́ться да кóсточки погрéть!». А помóешься, дак бáвнушку нáдо тóже сказáть: «Спаси́бо, бáтюшко-бáвнушко, за тѣплую бáнюшку, за хорóший жар да пар!». Чегó в бáне нельз́я дéлать? А матюкáться тут нé по что, и сикáть на пол не полóжено: в убóрную сходи́, а потóм мóйся! И в грязную не ходят: натóпят, дак всё обмóют, и предбáнник, и угольё приберут, да вы́стоится пүтнѣ, потóм и иди́. Бáню у реки́ полóжено стáвить, вон у Тамáры Стру́ничевой на хорóшом мéсте бáня стои́т, у нас уж с Шүрой, Дмíтриевой, подáльше, носи́ть вóду, дак рүки оттéнёшь. А Валёрка вон, беспризóрник, на Клáшином ручьё по кóй-то лёшой бáню постáвил, кто в лесу́-то бáню дéлаат?». Этот рассказ даёт возможность не только уяснить логику строительства, внутреннего устройства и использования бани, но и понять её пограничное положение между «своим» и «чужим» пространством в диалектной языковой картине мира [Вахрос 1963; Байбурин 1988; Лённгрен 1993; др.].

Культовые сооружения. Деревня Борбушино расположена на относительно небольшом расстоянии от Кирилло-Белозерского, Горицкого и Ферапонтовского монастырей, поэтому информанты часто вспоминают объекты, связанные с их внешним видом, историей и культурным влиянием: *У нас в гóрод сойдёшь, дак монасты́рь огромéнный – видели? На Фарафóнтово робята в шкóлу ходи́ли, шкóла бы́ла, в монасты́ре. Из Гори́ц монáшину когда́ росстрéли, дак с ёй нáшего како́го-то рóдственника тóже, уж не помню, кем он т́яте нáшому был. Нáша цёрковь бы́ла Ильи́ Прорóка на Цы́тине, она́ к Ферафóнтову принадлежáла, дак у нас по ёй прáздник глáвный – Ильи́н день, втóрого áвгуста.* Из культовых строений на территории деревни до середины XX века стояла часовня (*Вóзле Грй́ши Корягина часóвенка бы́ла. Брѣвна толсты́ё, дверь дубóвая, күпол железом кры́тый. Кóля Маркéлов, пьяный, её трáктором скovyрну́л. Грй́ша потóм күпол-то убрáл, сарáйку сдéлал*). Чаще всего информанты упоминают Покровскую церковь под Кирилловом и Ильинскую церковь на Цыпиной горе, так как возле них похоронено большинство односельчан: *У Покрóва бáушка лежй́т, с этóй стороны́, а прабáушка Áнна возле сáмой цёрквы, а подáльше дак все дымковские, брáтская моги́ла. В подклéте Ильи́нской-то цёрквы дéдушков брат Ивáн похорóнен, ребѣнком пóмер.* Сохранилась традиция Ильинских гуляний, активно поддерживаемая в последние десятилетия администрацией Кирилловского района и Ферапонтовского сельского поселения: *К Ильи́на дню́ все борбуши́нские, плáхинские, белоусовские, кто живóй, дак на Цы́тину приход́ят,*

к цёркви, сво́их помяну́ть, да повстречáться, да узнáть, кто ещё жив.

Подводя итоги описания лексики тематического раздела «Крестьянское жилище», можно сделать вывод о том, что изменение характера трудовой деятельности жителей деревни неизбежно повлекло за собой переструктурирование пространства как деревни в целом, так и отдельной крестьянской усадьбы. Уменьшилось количество хозяйственных построек, современные жители деревни уже не вполне отчетливо дифференцируют их назначение. Наши наблюдения в этой сфере вполне соотносятся с выводами исследователей, характеризующих лексику крестьянского жилища в славянских языках [Бломквист 1956; Нидерле 2000; др.] и в различных территориальных диалектах.

Список литературы

- Андреев В.К. Названия подвальных помещений в псковских говорах // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования, 1997. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2000. С. 109–113.
- Андреева Е.П. Наименования хозяйственных помещений и надворных построек в тотемских говорах: этнолингвистический аспект // Русский Север – 2020: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия: сб. материалов науч. конф. Вологда: ВоГУ, 2020. С. 107–113.
- Баженова Т.Е. Некоторые особенности наименований хозяйственных построек (помещений для скота) в самарских говорах // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования, 2008. Санкт-Петербург: Наука, 2008. С. 163–170.
- Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян: монография. Ленинград: Наука, Ленинград. отд., 1983. 188 с.
- Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белоруссов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белоруссов в XIX – начале XX в. Москва: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 31. С. 134–457.
- Брысина Е.В. Усадьба и приусадебное хозяйство в лексике донских говоров // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования, 2006. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2006. С. 190–196.
- Вахрос И.С. К истории бани в свете ее наименований в славянских языках // Scando-Slavica. 1963. Т. 9. С. 153–168.
- Волкова Н.А., Орлова С.А. Лексические соответствия в ЛСГ «Крестьянское жилище» // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования, 1995. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 1998. С. 138–139.

Гольдин В.Е. К вопросу о структурно-семантических различиях в диалектной лексике (на материале названий построек и их частей в русских говорах): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 1967. 20 с.

Житникова М.Л. Дом как базовое понятие народного мировидения (лингвокультурологический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск: Томский гос. ун-т, 2006. 28 с.

Журавская О.С. Лексика, репрезентирующая постройки и их части в говорах Среднего Урала: структурно-семантический, ономазиологический, лексикографический и лингвогеографический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2009. 24 с.

Забродкина Е.А. Семантическое поле 'дом' в русских народных говорах: дис. ... канд. филол. наук. Арзамас: Арзамасский гос. пед. ун-т, 2008. 449 с.

Киселева Г.В. Русская печь как явление духовной культуры // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования, 1995. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 1998. С. 73–77.

Лёнгрен Т. Слово баня и его производные в русском литературном языке и в народных говорах // Scando-Slavica. 1993. Т. 39. С. 128–148.

Невский С.А. К истории лексики крестьянского строительства в русских говорах Карелии // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования, 2008. Санкт-Петербург: Наука, 2008. С. 155–159.

Недоступова Л.В. Наименования крестьянского жилища в говоре поселка Высокого Таловского района Воронежской области // Диалектологический альманах. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2015. Вып. 2. С. 35–41.

Нидерле Л. Славянские древности. Москва: Алетайа, 2000. 592 с.

References

Andreev V.K. *Nazvanija podval'nyh pomeshhenij v pskovskih govorah* [Names of basements in Pskov dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnyh govorov: Materialy i issledovanija*, 1997 [Lexical atlas of Russian folk dialects: Materials and research, 1997]. St. Petersburg, ILI RAN Publ., 2000, pp. 109–113. (In Russ.)

Andreeva E.P. *Naimenovanija hozjajstvennyh pomeshhenij i nadvornyyh postroek v totemskih govorah: jetnolingvisticheskiy aspekt* [Names of utility rooms and outbuildings in Totemsky dialects: ethnolinguistic aspect]. *Russkij Sever – 2020: problemy izuchenija i sohraneniya istoriko-kul'turnogo nasledija: sbornik materialov nauchnoj konferencii* [Russian North – 2020: problems of studying and preserving historical and cultural heritage: collection of materials of scientific conference]. Vologda, VoGU Publ., 2020, pp. 107–113. (In Russ.)

Bazhenova T.E. *Nekotorye osobennosti naimenovanij hozjajstvennyh postroek (pomeshhenij dlja skota) v samarskikh govorah* [Some features of the names of outbuildings (premises for livestock) in the Samara dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnyh govorov: Materialy i issledovanija*, 2008 [Lexical atlas of Russian folk dialects: Materials and research, 2008]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008, pp. 163–170. (In Russ.)

Bajburin A.K. *Zhilishhe v obrjadah i predstavlenijah vostochnyyh slavjan: monografija* [Dwelling in the rituals and representations of the Eastern Slavs: a monograph]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, 188 p. (In Russ.)

Blomkvist E.Je. *Krest'janskie postrojki russkikh, ukraincev i belorussov (poselenija, zhilishha i hozjajstvennye stroenija)* [Peasant buildings of Russians, Ukrainians and Belarusians (settlements, dwellings and household buildings)]. *Vostochnoslavjanskij jetnograficheskiy sbornik. Oчерki narodnoj material'noj kul'tury russkikh, ukraincev i belorussov v XIX – nachale XX v.* [East Slavic ethnographic collection. Essays on the folk material culture of Russians, Ukrainians and Belarusians in the 19th - early 20th centuries]. Moscow, AN SSSR Publ., 1956, vol. 31, pp. 134–457. (In Russ.)

Brykina E.V. *Usad'ba i priusadebnoe hozjajstvo v leksike donskikh govorov* [Manor and household plots in the vocabulary of the Don dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnyh govorov: Materialy i issledovanija*, 2006 [Lexical atlas of Russian folk dialects: Materials and research, 2006]. St. Petersburg, ILI RAN Publ., 2006, pp. 190–196. (In Russ.)

Vahros I.S. *K istorii bani v svete ee naimenovanij v slavjanskikh jazykah* [On the history of the bath in the light of its names in the Slavic languages]. Scando-Slavica, 1963, vol. 9, pp. 153–168. (In Russ.)

Volkova N.A., Orlova S.A. *Leksicheskie sootvetstviya v LSG "Krest'janskoe zhilishhe"* [Lexical correspondences in LSG "Peasant dwelling"]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnyh govorov: Materialy i issledovanija*, 1995 [Lexical atlas of Russian folk dialects: Materials and research, 1995]. St. Petersburg, ILI RAN Publ., 1998, pp. 138–139. (In Russ.)

Gol'din V.E. *K voprosu o strukturno-semanticheskikh razlichijah v dialektnoj leksike (na materiale nazvanij postroek i ih chastej v russkikh govorah): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [On the issue of structural and semantic differences in dialect vocabulary (on the basis of the names of buildings and their parts in Russian dialects): DSc thesis, summary]. Saratov, 1967, 20 p. (In Russ.)

Zhitnikova M.L. *Dom kak bazovoe ponjatije narodnogo mirovideniya (lingvokul'turologicheskii aspekt): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [House as a basic concept of the people's worldview (linguoculturological aspect): DSc thesis, summary]. Tomsk, 2006, 28 p. (In Russ.)

Zhuravskaja O.S. *Leksika, reprezentirujushhaja postrojki i ih chasti v govorah Srednego Urala: strukturno-*

semanticheskij, onomasiologicheskij, leksikograficheskij i lingvogeograficheskij aspekty: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Vocabulary representing buildings and their parts in the dialects of the Middle Urals: structural-semantic, onomasiological, lexicographic and linguo-geographical aspects: DSc thesis]. Ekaterinburg, 2009, 24 p. (In Russ.)

Zabrodkina E.A. *Semanticheskoe pole 'dom' v russkikh narodnyh govorah: dis. ... kand. filol. nauk* [Semantic field 'house' in Russian folk dialects: DSc thesis]. Arzamas, 2008, 449 p. (In Russ.)

Kiseleva G.V. *Russkaja pech' kak javlenie duhovnoj kul'tury* [Russian stove as a phenomenon of spiritual culture]. *Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov: Materialy i issledovanija, 1995* [Lexical atlas of Russian folk dialects: Materials and research, 1995]. St. Petersburg, ILI RAN Publ., 1998, pp. 73–77. (In Russ.)

Ljonngren T. *Slovo banja i ego proizvodnye v russkom literaturnom jazyke i v narodnyh govorah* [The word bath and its derivatives in the Russian literary language and in folk dialects]. *Scando-Slavica*, 1993, vol. 39 pp. 128–148. (In Russ.)

Nevskij S.A. *K istorii leksiki krest'janskogo stroitel'stva v russkikh govorah Karelii* [On the history of the

vocabulary of peasant construction in the Russian dialects of Karelia]. *Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov: Materialy i issledovanija, 2008* [Lexical atlas of Russian folk dialects: Materials and research, 2008]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008, pp. 155–159. (In Russ.)

Nedostupova L.V. *Naimenovanija krest'janskogo zhi-shiha v govore poselka Vysokogo Talovskogo rajona Voronezhskoj oblasti* [Names of a peasant dwelling in the dialect of the village of Vysokoye Talovsky district of the Voronezh region]. *Dialektologicheskij al'manah* [Dialectological almanac]. Voronezh, Voronezhskij gos. un-t Publ., 2015, vol. 2, pp. 35–41. (In Russ.)

Niderle L. *Slavjanskije drevnosti* [Slavic antiquities]. Moscow, Aletaja Publ., 2000, 592 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.12.2021; одобрена после рецензирования 19.01.2022; принята к публикации 09.02.2022.

The article was submitted 13.12.2021; approved after reviewing 19.01.2022; accepted for publication 09.02.2022.